

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 13
ББК С 028+Ю 3(2) 6–63

АКМЕОЛОГИЯ СЕРДЕЧНОГО СОЗЕРЦАНИЯ В КУЛЬТУРЕ И ЕГО КРЕАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ (по работам И. А. Ильина)

С. З. Гончаров

Ключевые слова: духовный акт; сердечное созерцание; талант; креативность.

Резюме: В статье рассматривается креативность сердечного, творческого созерцания в культуре и кризис современной культуры, связанный с неверным культуротворящим актом.

Акмеология сосредоточивает в себе наиболее важные разработки креативности человека. Идеи И. А. Ильина (1883–1954) о духовном акте, в частности о сердечном созерцании, обогатят, на наш взгляд, и акмеологию, и педагогику. Вслед за Платоном и Гегелем Ильин построил свою философию на *сердечном созерцании*, которое он отождествлял с *творческим созерцанием* и которому придавал очень высокое эвристическое значение. Человек и чувственно воспринимает, и мыслит, и духовно созерцает, и верует, и любит, и волит, и совестится. Эти акты есть проявления наших духовных сил (чувств, мышления, воображения, сердца, веры и др.). Если эти силы сращены в *единство*, то у человека образуется верный, *целостный*, духовный акт, который дарует ему полноту миропонимания и переживания, «изумление» (Аристотель) от звездного мира. Духовный акт есть особое сочетание духовных сил, способ восприятия, понимания, переживания и умудрения. В статье предпринята попытка реконструировать и изложить идею Ильина о *сердечном созерцании* как о *духовном органе* продуктивного творчества во всех областях культуры.

«Сердце» – одно из самых употребительных слов в Евангелиях, в творениях отцов Церкви, в русской философии. «Сам ты, – писал Г. С. Сковорода, – есть твое сердце», «истинный человек есть сердце в человеке» [11, с. 142]. «Сердце есть, – отмечал П. Д. Юркевич, – сосредоточие душевной и духовной жизни человека». Мир в его жизненной значимости открывается «первое всего для глубокого сердца и отсюда уже для понимающего мышления, лучшие философы и великие поэты сознавали, что сердце их было истинным местом рождения тех глубоких идей, которые они передали человечеству в своих творениях» [12, с. 69, 72, 82–83]. Между тем понятие сердца нуждается не только в интуитивном, но и в понятийном осмыслении. Что такое сердце?

Сердце в структуре психики

Психика, как она дана от рождения, есть природный материал. Это – *сенсо-моторика, т. е. чувственная активность*. Все высшие психические функции (мышление, воля, вера и др.) и уровни (душа и дух) вырастают из этой материи, являются ее развитыми модификациями. Чувственная активность включает в себя противоположные моменты – *сенсорное и моторное, чувственное и деятельное*. Эти два параметра *нераздельны, но и неслиянны*. Ощущение невозможно без движения чувственного органа. В свою очередь моторное (активность) невозможно без сенсорного; ибо чувственность побуждает к действию. В процессе развития чувственная активность поляризуется, как доказал И. Кант, на «перцепцию» и «апперцепцию»: сенсорное представлено на одном полюсе (внешнепредметная чувственность), моторное (активность, деятельность) на другом (рассудок). Посредством чувственности предметы нам даются, посредством рассудка они мыслятся (Кант). Чувственности предмет дан как нечто *единичное*, рассудку же – как *всеобщий* предмет (человек вообще и т. п.). Однако нераздельность чувственной активности сохраняется: чувственность и рассудок соединены *воображением*. Поэтому мы в единичном схватываем всеобщее, а всеобщее индивидуализируем. *Бессознательная сфера инстинктов, чувственные побуждения, чувственное восприятие, воображение, рассудок, воля образуют первый этаж* психики. Чувственность предстает как *внешние чувства*, возникающие от *физического воздействия*, и как *внутренние (духовные) чувства*, возникающие от *переживания значений* (радость, уважение, презрение и др.). *Сердце есть сосредоточие таких духовных чувств*, это – понимающие чувства, «чувства-теоретики». Мышление, в свою очередь, развивается от рассудочной стадии до *разумной*. Нераздельность чувственной активности дает о себе знать и на *втором, высшем* этаже человеческой психики: как чувственность и рассудок соединены *воображением*, так «сердце» соединено с разумом *духовным, сердечным созерцанием*. Это созерцание – *высшая форма постижения реальности*: в нем понимающие чувства и целеполагание разума синтезируются в *новое, духовное состояние*, в котором исчезают различия между сердцем и разумом, и человеку открываются новые грани бытия, недоступные «одноэтажной» психике. Сердце, сердечное созерцание, разум образуют второй этаж психики.

Рассудок осуществляет *логический синтез* – со стороны *формы, отношений, структуры*. Синтез *различных* психических модальностей возможен только потому, что рассудок есть «апперцепция» (Кант), *однородная деятельная сфера*. Сердце же творит *аксиологический синтез*. Ценности направляют самоопределение человека, в них заложена *генетика социального поведения*. Ценности избираются чувствами. Мышление обосновывает ценности. Сердце синтезирует явления в аспекте их значимости для человека на основе *однородного чувства совершенства*. За развитым нравственным чувством (совесть), эстетическим вкусом, религиозным настроением души скрывается их *глубинная основа* – чувст-

во совершенства. Это чувство есть корень религии, нравственности и искусства. «Религиозная вера горит именно тогда, когда она есть проявление *свободной любви к безусловному совершенству*» [2, с. 56]. Если совершенство раскрывается верованию как *образ Божий*, то нравственной воле – как *добро*, а эстетическому созерцанию – как *красота, прекрасное*. Все положительные ценности и чувства есть многообразные выражения совершенства. В воспитании ценностного сознания синтез сердца является базисным.

Сердце как духовный орган человека

Сердце – сосредоточие понимающих чувств. В этом его своеобразии и тайна. Самым жизнетворческим чувством является любовь. Коснуться тайны сердца – значит обратиться к любви. Где она начинается, там кончается безразличие, вялость, экстенсивность: человек сосредоточивается на одном – любимом содержании: оно становится центром души, главнейшим ее предметом, а сопричастность ему есть радость и счастье (со-частье, сопричастие). Любовь *«оживает» в любимый предмет вплоть до художественного отождествления с ним*», повышает силу восприятия настолько, что «проницательность» по отношению к любимому предмету доходит до *«ясновидения»* [1, с. 50–51]. Иногда эта сила переносится на других людей и даже на весь мир, как у гениальных художников. Ильин различает «любовь инстинкта» (душевную любовь) и «духовную любовь». Они могут соединяться в одно целое. Формула первой такова: «этот предмет мне нравится, значит, ему должно быть присуще всякое совершенство». Нередко за такой идеализацией следует разочарование. Духовная любовь тяготеет к *объективно лучшему* – к *«качеству, достоинству, совершенству»*; к *«божественному совершенству во всех явлениях»*; она – *«вкус к совершенству»* [1, с. 56–57]. Логика Ильина такова: подобное познается подобным, совершенное содержание – совершенным чувством, любовью. Любовь – это «ворота», через которые в нашу душу входит совершенное содержание, составляющее *пространство духа*. Этим содержанием любовь направляет мышление к объективной *истине*, волю к сотворению *добра*, созерцание к обретению *красоты* и художественности в целом, а веру к *божественному*. Вот почему духовная любовь – первый и глубочайший источник духовного опыта. Понимание сердцем целостное, оно прозревает за реальностью (природной, экономической, социальной, политической и др.), постигает ее нравственно-эстетически-религиозную значимость, соединяет в единый смысл многообразные значения событий и дает им *интегральную, креативно-антропологическую оценку*, недоступную для рассудка. Сердцу ведомо чувство родного. Родное объективируется в *благое содержание* – как любимый человек, семья, соборное «мы», отеческое наследие, родной язык и родная культура, Родина и др. Это – чувство Дома, а не чужбины; это – «животворящая святыня», основа «самостоянья человека», «залог величия его»; без родного «наш тесный мир – пустыня», «душа – алтарь без божества» (А. С. Пушкин). Из чувства родного вырастают *преемственность поколений, национально-культурная идентич-*

ность, духовное единение народа. Кризис технической цивилизации заключается в угасании любви и воли к совершенству, чувства родного и Родины, в формальной образованности, ориентированной на технику жизни, в верховенстве рационально-волевого начала над духовно-ценностным. Культуротворящий акт современности исходит из первого этажа психики и создает бессердечную культуру, тяготеющую к пошлости без святынь.

Креативность сердца и кризис бессердечной культуры

Такая культура есть техногенная цивилизация, устремленная на обустройство *внешней* жизни. Поэтому в ней главными являются техника, бизнес с его товарно-денежной связью, всерегламентирующее право и наука, разрабатывающая технологии.

Без сердца мышление остается безразличным, релятивистским, карьеристским, льстивым и продажным; ему все равно, за что браться, что доказывать и пропагандировать; лишённое интуиции, вчувствования в предмет, оно сугубо аналитично, все разлагает и подкапывает, оперирует пустыми конструкциями. «Отсюда – формализм и схоластика науки, формальная юриспруденция, разлагающая психотерапия, бессодержательная эстетика, аналитическое естествознание, парадоксальная математика, абсолютно мертвая филология, пустая и безжизненная философия» [7, с. 396].

Бессердечная воля, лишённая любви, становится безжалостной и жадной до успеха; она стремится к власти, к обладанию, для нее все средства хороши; она творит тоталитарные государства, антисоциальный капитализм, империалистические войны и является достоянием всех карьеристов и тиранов. Воля не имеет верного *критерия выбора*. Она есть сила концентрации, лишённая *очевидности*. Самые отвратительные и преступные организации в истории строились и держались силою воли [3, с. 540].

Воображение без любви, сколь бы живописно оно ни изливалось, есть, в конечном счете, «безответственная игра и жеманство», «изобретательный произвол» без художественного совершенства. Духовно слепое, оно породило декадентский модернизм [7, с. 396–397]. На этом пути слагается искусство мнимое, «часто ничтожное и пошлое»: «это пестрые, безвкусные, праздные обрывки»; «это большие выкрики», «вспышки духовного безволия, немощи и распущенности», обломки безобразных замыслов, неестественные выверты, противоестественные химеры. «И над всем этим царит какая-то чувственная возбужденность, нервная развинченность и духовная пустота – три свойства, все вместе определяющие атмосферу *современного “модернизма”* в искусстве» [8, 65–66]. Искусство модернистов «бредит на языке больных страстей и бесцензурно выбрасывает сырой материал бессознательного». Современное искусство перестало служить священному, стало забавою, созданной для возбуждения и раздражения, не то развратною потехою, не то беспринципным промыслом. Оно творится в атмосфере *художественной бессовестности*: здесь все позволено [8, с. 67–68]. И невольно возникает вопрос: искусство это или больной

бред? Художественное творчество или духовное разложение? Культура или гниение? Культура Запада, – замечает Ильин (он там жил 32 года), – как бы построена *изо льда и камня*. Люди выступают по отношению друг к другу «запертыми сундуками»; современный человек «*стыдится своей доброты и не стыдится своей злобы*» [7, с. 395].

Вся современная культура, отмечает он, сорвалась на том, что не сумела сочетать основы духа – свободу, любовь и предметность. «Она захотела быть культурой *свободы* и была права в этом; но она не сумела стать культурой *сердца* и культурой *предметности* ... Ибо *бессердечная свобода* стала свободой эгоизма и своекорыстия, свободой социальной эксплуатации, а это повело к классовой борьбе, к гражданским войнам и революциям». А беспредметная свобода стала свободой «беспринципности, разнуздания, безверия, “модернизма” (во всех его видах) и безбожия». Осуществить социальную свободу могут «только люди *с сердцем и с предметною волею*, ибо справедливость есть дело *живой любви и живого совестного созерцания, т. е. – предметно построенной и устроенной души*». Наивно воображать, продолжает Ильин, будто достаточно последовательной доктрины и последовательного рассудка для того, чтобы справедливость была найдена и водворена. Ибо рассудок без любви и без совести есть «разновидность человеческой глупости и черствости, а глупая черствость никогда еще не делала людей счастливыми». Свобода, любовь и предметность обуславливают друг друга. «Если бессердечная свобода ведет к несправедливости и эксплуатации, то беспредметная свобода ведет к духовному разложению и социальной анархии» [9, с. 179–180]. Спасение не в отмене свободы, а в ее сердечном наполнении и предметном осуществлении [9, с. 181].

Вывод один. Кризис культуры проистекает из *неверного культуротворящего акта*. Этот акт исходил из *первого* этажа психики. Надо перестроить *саму его структуру*, руководствуясь «вторым этажом» и внести обновленный культуротворящий акт не только в искусство, науку, религию, но и в образование, хозяйство, социальные отношения, государственное строительство. Надо «растопить свою внутреннюю льдину и расплавить свою душевную черствость» [9, с. 183]. Ибо верный жизненный выбор – дело духовной любви. Кто ничего не любит и ничему не служит, тот бесплоден (3, с. 540). Только любовь может ответить человеку на важнейшие вопросы его жизни: чем стоит жить? Чему стоит служить? С чем бороться? Что отстаивать? «*Все остальные душевные и телесные силы человека суть верные и способные слуги духовной любви*» [3, с. 541; курсив наш. – С. Г.].

Предметность и творческая природа сердечного созерцания

Духовную *предметность* всем этим способностям (восприятию, воображению, мышлению, вере и др.) сообщает сердце – «*сила духовной любви*». Так слагаются *высшие духовные органы* человека. Любовь превращает воображение в *предметное* видение, в сердечное созерцание, из этого вырастает религиозная вера. Любовь наполняет мысль живым содержанием и дает ему

силу предметной очевидности. Любовь превращает волю в могучий орган со-вестности. Любовь очищает и освящает инстинкт и отверзает его духовное око, соединяет инстинкт с идеалом. Любовь углубляет и облагораживает чувственные восприятия, она придает им художественный смысл и заставляет их служить искусству [3, с. 541].

Сердечное созерцание образуется приблизительно так. Духовная любовь овладевает воображением, наполняет его своей силой и указывает ему достойный предмет. В человеке образуется орган творчества, познания и жизни, окрыляющий его [3, с. 541–542]. Человек предметно вчувствуется и сочетает объективизм предметной культуры со всею силою лично субъективного самовложения. От этого его творческий акт получает новое направление и новую силу. Если к этому присоединяется художественное дарование, то он приобретает способность особой мощи: «восприятие может дойти до художественного отождествления с сущностью вещей и человека», «до своеобразного ясновидения» [3, с. 542]. Созерцающее вчувствование может постепенно овладевать всеми способностями человека: инстинктом, волею, мыслью и другими силами духа. Тогда душа станет лепким воском, будет повиноваться каждому предмету. От этого у гениальных художников накапливается сокровище из разнообразнейших образов мира, и может показаться, что этот художник обладает каким-то «всеведением». Это изумляет нас у Пушкина, у Достоевского, у Леонардо да Винчи и у Шекспира: «кажется, что этому художнику открыто все, что все он знает, все видит»; что дух его древен, как мир, ясен, как зеркало, и мудр некоей божественной мудростью; что именно поэтому он «всегда творчески юн и нов, оригинален и неисчерпаем» [3, с. 542].

Ильин конкретизирует сердечное созерцание. Оно – вчувствование «в самую сущность вещей»; сосредоточенное вживание, движимое духовной любовью к «любимому духовному предмету», «тотальное вживание в любое жизненное содержание» и культурно-творческое его претворение [3, с. 543]. Дар созерцания предполагает повышенную впечатлительность духа: способность восторгаться «всяким совершенством и страдать от всяческого несовершенства». Это есть некая «обостренная отзывчивость на все подлинно значительное и священное как в вещах, так и в людях». Созерцающий не задерживается на поверхности явлений, но видит эту поверхность с тем большей остротой и точностью, чем глубже он проникает в их сокровенную сущность [4, с. 350]. «Сердечное созерцание, – заключает Ильин, – сообщает культурному акту предметность, пронизательную глубину, духовную значительность и творческую силу» [3, с. 544].

В познании оно может возвыситься до «интеллектуального видения» (Платон, Гегель). В этике и политике, в целепонимании и действии оно может открыть человеку предвидение событий. В сфере права и правоповедения оно пробудит в человеке «живую интуицию правосознания и сообщит ему такое предметное правовое видение (свобода, справедливость, братское единение),

о котором современная юриспруденция забыла и думать» [3, с. 544]. «Что касается художественного творчества, то его настоящий источник живет именно в сердечном созерцании. Воображающее вчувствование есть именно тот подход к миру, который открывает человеку все двери и все богатства вселенной; нет ничего такого, что могло бы заменить художнику луч созерцающего сердца, – ни в замысле, ни в вынашивании, ни в формировании, ни при завершающей отделке». Сердечное созерцание приведет «к символически-художественному видению» [3, с. 544]. В жизни есть такие реальности, которые «открываются и обогащают дух *только через сердечное созерцание*»; это те предметы, которые определяют «смысл» жизни. В конце концов «сердечное созерцание составляет подлинную сущность всякого творческого отношения человека к человеку: без него нет ни истинной дружбы, ни истинного брака и семьи, но лишь бледные и обманчивые тени живого общения» [3, с. 545].

Итак, сердечное созерцание исходит *из любящего и поющего сердца*, и поэтому оно – *любящее созерцание*, а значит, и творческое, и художественное. Оно *прозревает объективно лучшие измерения предмета*, вживается в них, живет предметом, созерцает его и говорит *из предмета и о предмете*. Все лично-субъективное выносится за скобки. Любовь увеличивает «радиус своего действия» (А. Зонди), расширяется диапазон предметного творческого созерцания, растет эвристический потенциал и ученого, и художника, и политика, каждого, кто вовлечен в подлинную предметность. Когда мы понимаем одним мышлением, то мы строим активностью своего «Я» (апперцепции) форму, структуру предмета. Понять – значит построить. Это – логическое понимание. Понимание, исходящее из сердца, – иное, *ценностно-образно-эмоционально-побудительное*. Оно богаче содержанием, многограннее, прозревает за вуалью внешней реальности скрытые гармонии и совершенные отношения.

Поясним отличие сердечного созерцания от созерцания чувственного и созерцания в воображении. Чувственное восприятие может быть неосознанным. В таком случае оно еще не созерцание. Чувственное созерцание – это *осознанное* чувственное восприятие; при этом субъект может отстраняться от самого акта созерцания и контролировать его. Чувственное созерцание работает, как правило, по такой схеме: оно располагает одно рядом с другим в пространстве или одно после другого во времени; при этом созерцанию дано *внешнее многообразие явлений без их внутреннего единства*, без тех связей, которые, словно нервные нити, соединяют части в целое. Когда субъект созерцает предмет в воображении, то он пытается схватить именно такие связи – внутреннее единство во внешнем пестром многообразии фактов; обнажить форму, строение, структуру предмета. Это – мыслящее созерцание в сфере воображения, обычное в научном познании. Сердечное созерцание тоже творится в сфере воображения, оно тоже мыслящее, но с тем отличием, что субъект переносится в предмет в большей мере, вживается в него, становится им и созерцает его в аспекте чистого смысла и сути предмета, убирая все лишнее.

Это – духовное созерцание: предмет созерцается изнутри самого предмета так, что он как будто обладает своим «я», которое пронизывает изнутри все свойства предмета так же, как наше «я» проходит, как нож сквозь масло, через все наши чувственные состояния. *Духовное созерцание – это созерцание самого «я» предмета в его чистой сущности, из которой и созерцаются конкретные качества и свойства предмета.* Полнота погружения в предмет осуществляется благодаря любящему сердцу, из которого и исходит сердечное, духовное созерцание. Предмет в акте такого созерцания предстает как одухотворенный, свободный, самостоятельный и целостный. Примерно такой же, как наше «я», пронизывающее все ткани наших конкретных состояний.

Из особенностей сердечного созерцания следуют и его *благодатные дары*:

- поскольку предмет созерцается из его «я» (самости), то такое созерцание *предметное, а не произвол фантазии*; причем существенно предметное (постигается сущность предмета); будучи предметным, такое созерцание является *конкретным*, причем *духовно-конкретным*, а не чувственно-конкретным, что присуще чувственному созерцанию с его внешней обыденностью, эмпиричностью, которая сама лезет в глаза;

- духовно-конкретное содержание есть *единство в многообразии*, а не только многообразие без единства (чувственное созерцание) или единство без многообразия (рассудок);

- духовно-конкретное содержание предстает как *целостность* («органичность»), когда мера целого составляет смысл частей, а части предстают как органы целого, при этом мера целого и меры частей согласованы, гармоничны, что составляет неотъемлемое условие *художественности*;

- позволяя схватывать предмет целостно, сердечное созерцание дарует тем самым, во-первых, *эвристичность*, открытие скрытых отношений (ибо кто понимает целое, тот понимает и назначение частей в составе целого), во-вторых, эстетичность, тяготеющую к *художественности* (произведение искусства художественно, если в нем *идея, образный состав и эстетическая материя* согласованы оптимально, т. е. образы представляют только идею произведения, а эстетическая материя – идею и образы);

- сердечное созерцание дарует способность воспринимать предмет как свободный и самостоятельный, ибо такое созерцание исходит из любящего сердца, которое поет свободно и самостоятельно.

Сердечное созерцание и талант

В духовном творчестве, отмечает И. А. Ильин, есть две функции: способность *творческого созерцания* и способность легкого и быстрого проявления, *выражения*. Ими люди одарены не в равной мере. Нередко предполагают, будто талантливый человек всегда исходит из *творческого созерцания*. На самом деле, подчеркивает Ильин, правильно называть «талантом» только *вторую* силу. Талант сам по себе есть дар легко и быстро, ярко и метко выражать все,

что проносится через внутренний мир человека [4, с. 341–342]. Наличие таланта определяет не то, *что* человек творит, а лишь то, *как* он это делает. Талант блестит, сверкает, чарует. Между тем «талант, оторванный от творческого созерцания, *пуст* и беспочвен» [4, с. 342–343]. Талант нуждается не только в умении, в технике. Ему необходим еще «*духовный опыт, творческое созерцание, творческое вынашивание*, чтобы не создавать пустую красоту или соблазнительную яркость» [4, с. 345]. Поэт Бенедиктов, отмечает Ильин, был мастер слова. Но он был лишен творческого созерцания, и сказать ему было почти нечего. Тютчеву присуща сила творческого созерцания. Его поэзия пропета из «таинственной стихии мира и человечества», из ее древнего хаоса. Он не только созерцал, но и умел петь «о муках и восторгах созерцания». Но сила его таланта не всегда поспевала за его безмерным видением. У Лермонтова сила созерцания просыпается задолго до того, как созрел его талант [4, с. 346]. Так обстоит дело и в живописи, и в научном познании. Есть люди с глубоким духовным созерцанием, которые не могут ни вообразить (облечь увиденное в земные образы), ни изобразить (передать и закрепить эти земные образы для других). Эти подспудные мудрецы уходят обычно или в молитвенное подвижничество, или в философию [4, с. 348]. «Художественное искусство, – делает вывод И. А. Ильин, – возникает только из сочетания двух сил: силы духовно-созерцающей и силы верно во-ображающей и из-ображающей увиденное». Творческое созерцание – *истинный и глубочайший источник художественного искусства*, ее «*алтарь и гений*», «здесь таится вдохновение – эта *благодатная сила творческого первождения*». В созерцании и вдохновении художник прозревает за пеленой явлений некие гармонии и совершенные отношения, и талант художника становится «лишь живою и верною арфою узренных им содержаний» [4, с. 351].

Сердце – исток русской культуры

Каждый народ имеет доминанту в своем душевно-духовном укладе, что проявляется в выражениях «старая добрая Англия», «деловая Америка», «великая Германия», «прекрасная Франция» или «святая Русь». Такой уклад («менталитет») составляет *ведущий духовный акт*, каким народ творит свою культуру и жизнь. Такой акт определяется *особым сочетанием доминирующих духовных сил*. Ильин гениально выразил духовный акт русской культуры в статье «О русской идее» и конкретно изложил его в ряде иных работ [6]. Эта творческая идея России формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благу силу, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях. «Русская идея, – подчеркивал Ильин, – есть идея *сердца*. Сердца, созерцающего *свободно и предметно*; и передающего свое видение *воле* для действия и *мысли* для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то,

что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию» [5, с. 323].

В российской ментальности Ильин выделяет силы первичные и вторичные: «первичные силы» (сердце, созерцание, свобода, совесть) «определяют и ведут», а «вторичные силы» (мысль и воля, форма и организация) «вырастают из них и принимают от них свой закон» [5, с. 329]. На громадном историческом и художественном материале Ильин убедительно обосновывает такое строение национального духовного акта [6]. «Русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести» [5, 329]. Западный менталитет имеет иное строение: в нем рационально-волевое начало доминирует над духовно-ценностным [5, с. 327]. Первенство сердца в русской ментальности имеет издержки в том смысле, что в реализации поставленных целей эмоции часто уводят мысль и волю в сторону, поэтому задачей воспитания является развитие последовательности в мышлении и твердости воли: «нам предстоит вырастить из свободного сердечного созерцания – свою особую, новую русскую культуру воли, мысли и организации» [5, с. 327–328].

В духовном акте русской культуры эмоционально-ценностное начало преобладает над рационально-волевым формализмом. Это Ильин убедительно раскрывает на материале православия, отечественной науки и искусства. В русской науке сложился метод живого *творческого созерцания предмета как целостности*. Такое созерцание не отменяет логику, а наполняет ее *живой предметностью*, не попирает факты и законы, а схватывает *целое в частях*. А кто понимает целое, тот понимает и назначение частей. Отсюда следует *фундаментальность* русской науки, которая была духовно зрячей, а не слепой: она не застревала на внешней стороне предмета (эмпиризм), не убивала рассудочной формалистикой его живую органику (рационализм), но творческим созерцанием схватывала целое в частях – «организм» природы, «экономический организм» страны, «целостную жизнь» изучаемого языка, дух и судьбу народа за историческими деталями. *Метод русской науки – это духовное созерцание целостности предмета*. Из этого метода следует масштабность русской научной мысли, соединенной с живой конкретностью, будь то историография (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. Е. Забелин), педагогика (К. Д. Ушинский), медицина (Н. И. Пирогов), естествознание (Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский) или вся русская математическая школа. *Целостность схватывается только созерцанием*. Понятия – как деньги. Деньги, не обеспеченные товарами, подвержены инфляции. Понятия, не обеспеченные творческим созерцанием предмета, дают «скелет» предмета. Сколько ни говори «система, система», от этого без творческого предметного созерцания образ целого в его конкретности не появится. Чем больше в нашей стране издавалось работ о «системном методе» в 70–80-е гг. XX в., тем более формальной становилась и философия, и ее прикладные исследования. Без творческого созерцания омертвляет всякий метод – и диалектический, и системный, и синергетика. Рус-

Русская классическая философия была столь же фундаментальной, потому что она исходила из духовного созерцания, творческой свободы, предметной конкретности и ответственности. Ее творческий характер, ее гениальные прозрения, ее глубина в изложении ценностных основ духа, богопознания, нравственности, искусства, правосознания и государства, труда и собственности, семьи и воспитания, национального самосознания и Родины, культуры и хозяйства можно объяснить тем, что творцы этой философии (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др.) вобрали своим духовным актом от православия *чувство совершенства, определяли им значение событий и синтезировали именно им конкретный материал жизни и духа в целостную картину богопознания и миропонимания*. Русская философия была и будет постижением совершенства в акте сердечного созерцания, которое наполняет логику живой предметностью и выражается в конкретном понятийном мышлении.

Остро актуальны мысли Ильина и о воспитании в «грядущей России». Бессердечная «формальная образованность вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации» [9, с. 179]; то «шкурничество», то «беспринципную изворотливость, тот «циничный эгоизм», при которых невозможны «культурное творчество», общественное строительство», понимание высшего измерения вещей, дел и людей [9, с. 183]. Новые поколения должны воспитываться «к *сердечной и предметной свободе*». Эта директива – на сегодня, на завтра и на века [9, с. 179, 181]. Самое важное, что должно дать человеку воспитание – «это *предметно открытый взор, предметно живое сердце и предметно готовую волю*» [9, с. 184]. Под «предметом» Ильин понимал Дело, объективно лучшее по содержанию, достойное духовной сущности человека. Он пишет: «Жить предметно – значит связывать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст моей жизни *высший, последний смысл*. Мы все призваны к тому, чтобы найти эту ценность, связать себя с нею и верно осмыслить ею наш труд и направление нашей жизни. Мы должны увидеть оком сердца предметное значение и назначение нашей жизни. Ибо в действительности мы все служим некоему высшему Делу на земле» – «прекрасной жизни», по слову Аристотеля, «Царству Божьему», по откровению Евангелия [9, с. 182]. Понятно, что знания и технологии есть средства предметной любви, предметной воли и предметного дела. Воспитание, таким образом, *тоже творится* в первую очередь *силами второго этажа* психики человека.

Россия, прогнозировал Ильин, выйдет из кризиса и возродится к новому творчеству и расцвету через сочетание и примирение трех основ духа: «*свободы, любви и предметности*». Русская культура обретет второе дыхание, если она унаследует в XXI веке качественный дух совершенства и свой духовный акт – акт творческого созерцания, который исходит из любящего сердца и по-

ставляет материал мышлению для оформления и воле для осуществления и организации. Учение Ильина о духовном акте, о сердечном, творческом созерцании может войти в «золотой» фонд акмеологии и педагогики и заслуживает обсуждения и развития.

Литература

1. Ильин И. А. Путь духовного обновления. – М., 2003.
2. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. – М., 1993. – Т. 1.
3. Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1994. – Т. 3.
4. Ильин И. А. Талант и творческое созерцание. Посвящается молодым русским поэтам // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. II.
5. Ильин И. А. О русской идее // Ильин И. А. Наши задачи: В 2 т. – М., 1992. – Т. 1.
6. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. – М., 1996–1997. – Т. 6. Кн. 2–3.
7. Ильин И. А. Взгляд в даль. Книга размышлений и упований // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1998. – Т. 8.
8. Ильин И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1996. – Т. 6. Кн. I.
9. Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1993. – Т. 2. – Кн. 2.
10. Ильин И. А. Борьба за Россию // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1999. – Т. 9–10.
11. Сковорода Г. С. Соч.: В 2 т. – М., 1993. – Т. 1.
12. Юркевич П. Д. Философские произведения. – М., 1990.